

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Рёккэй Иногути, Тадаси Накадзима

БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕТЕР

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ЯПОНСКИХ КАМИКАДЗЕ

1944–1945

**Рикихэй Иногути
Тадаси Накадзима
Божественный ветер. Жизнь и смерть
японских камикадзе. 1944-1945**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609365
Божественный ветер: Центрполиграф; Москва; 2004
ISBN 5-9524-1236-X*

Аннотация

25 октября 1944 года Имперский штаб в Токио объявил о создании специального подразделения ВМС – камикадзе, названного так в память о «божественном ветре» – мощном урагане, который спас Японию от монгольского нашествия. Авторы книги, военнослужащие этого подразделения, участники описываемых событий. В книге дан всеобъемлющий анализ причин, по которым японское командование было вынуждено прибегнуть к беспрецедентной практике использования летчиков-самоубийц, рассказывается о буднях камикадзе, приводятся выдержки из их прощальных писем родным и близким.

Содержание

Камикадзе – загадка для противника	4
Об авторах	6
Предисловие	7
Часть первая	10
Рикихэй Иногути	10
201-я авиагруппа	10
Специальный ударный корпус «Камикадзе»	13
Тадаси Накадзима	17
Рикихэй Иногути	19
Дневник адмирала Тэраоки	20
Рикихэй Иногути	22
Тадаси Накадзима	26
Тадаси Накадзима	32
Прибытие подразделения «Ямато»	32
Кандидаты на добровольную смерть	33
Часть вторая	36
Тадаси Накадзима	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Р. Иногути, Т. Канадзима Божественный ветер

Камикадзе – загадка для противника

Сомневаюсь, что среди тех из нас, кто воевал на Филиппинах или Окинаве, нашелся бы кто-то, способный ясно выразить наши сложные чувства при виде человека, готового умереть, *решившего* умереть, чтобы уничтожить и нас. Зрелище, столь чуждое нашей западной философии, действовало как гипноз. Мы следили за каждым пики камикадзе с особым чувством оцепенения, уместного скорее при восприятии сцены из спектакля ужасов, чем при наблюдении такого преднамеренного самопожертвования. На миг мы забывали самих себя, тщетно пытаясь понять, что сверху на нас пикирует живой человек. А над всеми ощущениями господствовала смесь уважения и горечи. Уважения к человеку, жертвующему ради своего дела самым дорогим. Горечи – в связи с крайней степенью отчаяния, которую олицетворял акт самоубийства. Поскольку, что бы ни значил этот акт для его исполнителя в небе, какой бы ущерб этот акт ни нес нам, его врагам, никто не сомневался в конечном исходе войны, стремительно катившейся сейчас к своему завершению. Это специальное подразделение ВВС – «Камикадзе» («Божественный ветер») – было лишь еще одной формой отчаянной атаки с криками «Банзай!», совершаемой людьми, которые пережили горечь поражения и не желают принять реальность такой, как она есть.

Но для чего принята эта самоубийственная тактика? Как стало возможным, что неминуемой смерти ищет не один человек, а несколько тысяч? Действительно ли эти люди считали себя, по выражению адмирала Ониси, «богами, уже лишенными земных желаний»?

Разумеется, противник был отнюдь не храбрее нас. Война в первую очередь учит, что смелость – широко распространенное человеческое качество. Доказательством этого является история с нашей 8-й эскадрилей торпедоносцев у атолла Мидуэй и незабываемая картина, которую я однажды наблюдал на борту «Эссекса», когда расчеты 20-миллиметровых пушек отбивали атаки камикадзе, пока их не объяло пламя.

Но героизм бойцов противоборствовавших сторон проявлялся по-разному. Японцы решительно отрезали себе путь к спасению, американцы никогда не пренебрегали им. В представлении солдата западной страны последний, самый ничтожный шанс на выживание всегда сохраняется. В нем живет ощущение, что, несмотря на гибель многих из его соратников, сам он каким-то образом может избежать смерти.

Никто еще не смог вразумительно объяснить человеку с Запада феномен стремления японца к самоуничтожению. Возможно, понимание этого и вовсе недоступно западному интеллекту. Вот почему, читая эту драматичную, захватывающую книгу о корпусе камикадзе, написанную людьми, лично причастными к великой трагедии, испытываешь смутное стремление найти ключ к загадке.

Один из японских авторов заявляет: «...Смерть никого не радует... Но стремление к смерти становится более понятным, когда припоминаешь, что в силу больших потерь наших летчиков в 1944 году их шанс вернуться живыми после налета на вражеские авианосцы был минимальным, независимо от избранных ими способов атак». И все-таки это не ответ на загадку. Нет ответа и в письмах обреченных на смерть домой и своим любимым, хотя эти письма очень пронзительны.

Иногда эти письма поражают своей образностью.

«Мы, шестнадцать воинов, представляем экипажи бомбардировщиков. Возможно, мы умрем так же внезапно, как разлетается вдребезги хрусталь».

Иногда письма глубоко трогают.

«Больше всего я жалею о том, что не могу назвать Вас „титиуэ“ (почтенным отцом). Сожалею, что не сумел проявить истинное уважение, которое всегда к Вам испытывал. Будьте уверены, что во время своей последней атаки и я буду обращаться к Вам как к „титиуэ“, хотя Вы и не услышите моих слов, и буду с благодарностью думать о том, что Вы для меня сделали».

Но они всегда трагичны.

«Я человек и надеюсь, не буду считаться ни святым, ни негодяем, ни героем, ни глупцом – останусь просто человеком. Как человек, проживший в страстях и поисках, я безропотно умру в надежде, что моя жизнь послужит „человеческим документом“».

«Мир, в котором я живу, слишком противоречив. Как сообществу рациональных человеческих существ, ему следовало быть более организованным. В отсутствие одного великого дирижера каждый музыкант издает звуки по своему усмотрению, создавая диссонанс там, где должна была возникать музыкальная гармония и звучать мелодия».

Таковы мимолетные проявления изувеченных душ, которые мы замечаем за внешней стороной этой необычной истории.

С какой бы стороны мы ни рассматривали подразделение «Камикадзе», его участь трагична. Каковы бы ни были личные мотивы камикадзе или официальные объяснения, сколько бы они ни восхищали, оставался основной вопрос для военного специалиста: вела ли такая тактика к успеху?

Я решительно отвечаю: нет. Специальное ударное подразделение – «Камикадзе» – причинило громадный ущерб противнику. Камикадзе потопили немало кораблей и нанесли повреждения множеству других. Они уничтожили или ранили тысячи солдат противника. Американский флот, действовавший на коммуникациях близ Окинавы, понес потери больше, чем силы вторжения США в ходе длительного периода боев с японской армией на суше. Камикадзе превращали в кошмар выполнение задач боевого охранения для эсминцев. Один из членов экипажа эсминца во время боевого дежурства с мрачным юмором начертил на палубе корабля краской стрелу, указывающую на борт, и сделал большими буквами надпись: «Авианосцы с этой стороны!»

Но к этому времени Япония уже безнадежно ослабла, и даже камикадзе с их горячей жертвенностью не смогли потопить американский корабль размером с крейсер или больше. Подлинная трагедия «Камикадзе», в частности пилотов, состояла в том, что, когда эта экстраординарная тактика была выработана, было уже поздно, потому что даже самые отчаянные меры не могли предотвратить неизбежное поражение Японии.

К. Р. Браун, вице-адмирал ВМС США

Об авторах

Японцы – авторы книги «Божественный ветер» – служили в специальном ударном подразделении ВМС (корпус «Камикадзе») с момента его создания до расформирования после самоубийственного вылета летчиков, ведомых адмиралом. Один из авторов был личным представителем адмирала при планировании операций, другой служил офицером-инструктором по подготовке эскадрилий летчиков-камикадзе на Филиппинах, Формозе и островах Японского архипелага.

Капитан Иногути закончил военно-морское училище в Японии в 1921 году, служил в штабах различных флотских частей, инструктором в военно-морской академии, а перед Второй мировой войной работал в управлении личного состава вооруженных сил. В феврале 1944 года он командовал 153-й авиагруппой и участвовал вместе с ней в боях на Тиморе и Новой Гвинее. В июле его перевели офицером штаба в авиационную эскадрилью в Кендари. В следующем месяце он поступил на службу в 1-й воздушный флот в ранге высокопоставленного офицера штаба адмирала Ониси, который был разработчиком концепции боевых действий камикадзе, и участвовал на начальном этапе в проведении операций камикадзе с Филиппин и в дальнейшем с Формозы. В марте 1945 года он служил на островах Японского архипелага в качестве офицера штаба 10-го воздушного флота, в мае же его перевели в управление ВМС имперского Генерального штаба. Ныне он ушел в отставку с флотской службы.

Капитан 3-го ранга Тадаси Накадзима закончил военно-морское училище в 1927 году. В 1933 году он прошел практику в учебной летной школе, а в 1936 году командовал авиаподразделением на авианосце «Кага». В ходе японо-китайских боевых действий он заступил на пост командира другого авиаподразделения в Китае. Затем в 1942 году получил назначение командовать авиагруппой в Тайнани, дислоцировавшейся последовательно на Бали, Рабауле, Новой Гвинее, Соломоновых островах и Гуадалканале. В 1943 году он командовал в Йокосуке авиагруппой, дислоцировавшейся на острове Иво (Иводзима). В 1944 году он стал офицером 201-й авиагруппы на Филиппинах, которую адмирал Ониси превратил в первое авиационное подразделение, призванное участвовать в операциях камикадзе в рамках выработанной политики. В 1945 году он служил в штабе 1-го воздушного флота на Формозе, а во время операций камикадзе с Окинавы – в штабе 5-го воздушного флота на островах Японского архипелага. В конце войны Накадзима командовал авиаподразделением в 723-й авиагруппе. Ныне он генерал-майор японской авиации сил самообороны.

Предисловие

В ходе Второй мировой войны японский флот фактически потерял все свои корабли и самолеты. Мы потеряли также двух выдающихся военачальников, адмиралов Ямамото и Когу, погибших на войне в один и тот же год. Выражаясь фигурально, мы сражались до последнего патрона. Этот факт отражает экстраординарный характер этой войны. Вторая мировая война разительно отличается от прежних войн, которые вела Япония против России и Китая двумя важными аспектами:

1. Это была тотальная война.
2. Это была преимущественно война на море с активным привлечением ВВС.

С учетом этих аспектов становится ясно, что решающими факторами были численность и уровень подготовки солдат. Наши ВВС и ВМС уступали в этом отношении противнику. Требовались чрезвычайные меры. Использование камикадзе становилось неизбежным.

Наконец, что думало о ведении войны в таких условиях Верховное командование? Трезво оценивая обстановку, действительно ли верило оно в победу?

Вице-адмирал Сигэру Фукудомэ, занимавший в начале войны пост начальника оперативного управления Генштаба ВМС, писал о японском флоте следующее:

«Накануне войны Японию обуял страх перед неминуемой революцией. Адмирал Ямамото считал, что, в то время как гражданская война не была чревата фатальными последствиями для страны, война с внешним противником без шансов на успех принесла бы катастрофу. В связи с этим адмирал энергично возражал против развязывания войны. В то же время он полагал, что в результате развития внутренней ситуации страна неотвратимо движется к войне.

Когда я излагал во дворце принцу Фусими¹ план действий, он сказал: „Если разразится война, Япония потеряет все, что она приобрела с начала эпохи Мэйдзи. Но представляется, что способа избежать войны нет. Я крайне обеспокоен“».

По заключению командования флота, сколь нежелательной ни была война, альтернативы ей не существовало. Спасения Японии можно добиться только путем войны. Эту точку зрения флота представлял адмирал Сигэтаро Симада, министр ВМФ первого кабинета Тодзё.

С учетом достигнутой боевой мощи, боеготовности и сложившейся стратегической обстановки было желательно возможно раннее вступление в войну. План этого был представлен начальником Генштаба, адмиралом Осами Нагано, на совещании у императора 6 сентября 1941 года. Тем не менее не сбрасывалась со счетов возможность достижения удовлетворительного результата дипломатическими усилиями, без применения военных средств. Даже если победа не будет достигнута, сам факт нашей решимости прибегнуть к оружию станет благом. Это продемонстрирует нашу заинтересованность в поддержании японского боевого духа, который следует сохранить любой ценой.

Когда одобрили повестку дня совещания, адмирал Нагано заявил от имени Верховного командования следующее: «Все согласны, что, если мы не начнем войну теперь, нация погибнет. Но она может погибнуть и в ходе боевых действий. Следует понимать, что гибель страны без сопротивления была бы бесчестьем. В безнадежной ситуации можно выжить, лишь сражаясь до последнего человека. Тогда даже в случае поражения наш боевой дух будет воодушевлять потомство в деле обороны страны».

¹ Принц Хироясо Фусими с апреля 1932-го по апрель 1941 года был адмиралом флота.

Нагано заключил новое выступление словами: «Во время войны солдаты одержимы лишь желанием сражаться за своего императора. Мы будем биться до последней капли крови».

Мы, непосредственно участвовавшие в боях, до окончания войны ничего не знали о сути дебатов на совещаниях у императора. Мы сражались так, как приказал трон. С течением войны горькое предчувствие поражения возрастало, но не ослабевала наша решимость вынести все тяготы исполнения долга перед императором и родиной.

В конце войны сокрушительное поражение подтвердило истинность рассуждений адмирала Нагано. Более того, единодушная решимость командования флота продолжать войну сыграла роковую роль и в его собственной судьбе.

Парадокс состоит в том, что в ходе войны на Тихом океане, возвестившей наступление атомной эры, мир стал свидетелем самоубийственных атак с воздуха. Злой иронией является то, что такой способ войны даже стал предметом рассмотрения, не говоря уже о его использовании против высокотехнологичного оружия и тактики современной войны. Понятно, что многие люди могли бы усмотреть в подобных атаках пример варварства, если не безумия, и предпочли бы забыть, что это когда-либо происходило.

Однако поразительный прогресс последнего времени в развитии разрушительных видов оружия заставил многих людей – военных и штатских – осознать, что война порождает отчаяние в возрастающих масштабах. Поскольку война и вооружения – продукты человеческого разума, не мешает приглядеться к этому разуму. Далее, поскольку желание жить столь всепоглощающе для человеческого разума, небезынтересно изучить пилотов-камикадзе, которые преодолевают это желание с целью выполнить свой долг.

Было бы желательно, чтобы пилоты-самоубийцы сами рассказали о себе сегодня, но их голоса навеки умолкли. Вот почему мы собирали все имеющиеся в наличии данные и стремились написать книгу, способную высказаться за них. Книга отнюдь не замышлялась ради критики. Она создавалась как свидетельство, как память об отважных людях, которые жертвовали своими жизнями в этих «специфических» атаках. Мы искренне надеемся, что книга послужит совершенствованию мира, чему каждый из этих людей, по его собственному мнению, способствовал.

Атаки камикадзе шокировали мир в первую очередь в аспекте «неизбежной смерти». История засвидетельствовала много случаев, когда отдельные солдаты сражались под гнетом обстоятельств неизбежной смерти, но никогда прежде не вырабатывалась программа такого поведения людей столь систематичная и долговременная. В обстановке, диктующей жизнь или смерть, как бы ни был велик риск, всегда сохраняется шанс на выживание. Но атака камикадзе осуществляется только при условии самоубийства. Эта атака и смерть означали одно и то же.

В бурном потоке критики, который обрушился после войны, атаки камикадзе подверглись различным упрекам. Некоторые осуждали тех, кто выдумал эту тактику. Другие обвиняли начальство, планировавшее и контролировавшее такие атаки. Находились и такие, кто адресовал свои обвинения отдельным пилотам, осуществлявшим самоубийственные атаки по приказу и погибавшим. Возможно, в чем-то эти упреки были оправданны. Мы не станем их оспаривать. Хотим только объяснить, при каких обстоятельствах и как именно совершались атаки камикадзе.

Следует иметь в виду, что в большинстве случаев пилоты-камикадзе осуществляли свои атаки не сразу после добровольного согласия поступить в спецподразделение или принятия в него. После этого большинство из них продолжали выполнять свои обычные военные функции. В некоторых случаях это продолжалось в течение долгих месяцев, причем пилот не знал дня, когда наступит его очередь. В столь продолжительной отсрочке пилоту не могло помочь мимолетное воодушевление.

Одно несомненно: в подразделение «Камикадзе» входили бойцы, отвечающие высоким требованиям как к волевым качествам, так и целеустремленности. Хотя термин «камикадзе» впоследствии использовался применительно и к воинам других спецподразделений, нацеленных на самоуничтожение, таких, как подразделения самолетов-снарядов или подлодок-малюток, строго говоря, единственными реальными камикадзе оставались авиатrupпы, созданные под командованием вице-адмирала Ониси. Его предприятие обязано своими успехами прочной связи между адмиралом и его людьми, основанной на энтузиазме и понимании общей задачи. Это единство играло чрезвычайно важную роль. Без него самоубийственные атаки не могли осуществляться столь продолжительное время, как бы ни были отважны бойцы или талантлив их начальник.

«Мы умираем за великое дело нашей страны» – это был девиз пилотов-камикадзе и их убеждение. Он свидетельствовал об их прочной и глубоко укоренившейся вере в свою страну и императора, их готовности умереть за эту веру. Без этого атаки камикадзе и вовсе не могли осуществиться.

Сказанное не означает, что мы одобряем слова и дела адмирала Ониси. Но справедлив интерес к тому, как удавалось адмиралу оправдывать перед собственной совестью свои решения. Вопрос немаловажный, но готового ответа на него нет, если не считать заявлений адмирала, приведенных в этой книге.

Его пилоты никогда не теряли веры в своего командующего. Но ведь они не считали, что совершают нечто экстраординарное. Их главной заботой было суметь обеспечить безошибочное поражение цели. По сравнению с этим смерть рассматривалась ими как вопрос гораздо менее важный.

Но это недостаточное объяснение того, почему эти люди хладнокровно встречались со смертью. Должно быть, подсознательно они твердо верили в «жизнь после смерти». Эта вера утвердилась в традициях и истории японского народа.

Мы молимся за то, чтобы отважные души этих людей, пожертвовавших собой, успокоились в мире вечности.

Рикихэй Иногути

Тадаси Накадзима

Декабрь 1957 г.

Часть первая РОЖДЕНИЕ КАМИКАДЗЕ

*В сравнении с долгом жизнь легче пера.
Японская пословица*

Рикихэй Иногути Глава 1 МАБАЛАКАТ (октябрь 1944 г.)

201-я авиагруппа

19 октября 1944 года. Местечко Мабалакат на филиппинском острове Лусон. Позднее полуденное солнце собирается опуститься за гребень горного хребта к западу от аэродрома в Мабалакате, составлявшего часть широко раскинувшегося комплекса военной базы Кларк примерно в 50 милях на северо-запад от Манилы. Команды наземного обслуживания самолетов, одетые в робы императорской морской авиации, снуют повсюду подобно муравьям, торопясь заделать пробоины в самолетах до сумерек и приготовить их на следующее утро для новых боевых операций.

Я сидел на командном пункте аэродрома в старой, потрепанной палатке, беседуя с начальником штаба 201-й авиагруппы, капитаном 3-го ранга Асаити Тамаи. Мы обсуждали план боевых действий на следующий день. За два дня до этого, 17 октября, близ острова Сулуян у входа в залив Лейте появились американские корабли, причем в большом количестве, что наводило на мысль о готовящейся операции вторжения. Однако японские ВВС во всей зоне Филиппин располагали менее чем 100 самолетами, готовыми к боевым вылетам на побережье. Что можно было предпринять для предотвращения вторжения противника?

Как высокопоставленного офицера-штабиста 1-го воздушного флота меня направили в Манилу консультировать 201-ю авиагруппу.² Я представлял высшее командование морской авиации на Филиппинах, в то время как капитан Тамаи был представителем командования одного из главных тактических соединений. Мы дружили со времени учебы в Морской академии, а серьезность обстановки сблизила нас еще больше. Между нами шел откровенный обмен мнениями относительно сложившихся проблем, однако нам не удавалось выработать какой-либо план выхода из отчаянной ситуации.

Наш невеселый разговор прервало приближение черного лимузина, вынырнувшего со стороны шоссе из вечерней дымки. Судя по маленькому желтому флажку, трепетавшему на капоте, автомобиль вез пассажира адмиральского ранга. Пока мы строили догадки по поводу того, кем мог быть этот неожиданный визитер, автомобиль остановился у командного пункта и из его салона, тяжело переваливаясь, выбралась грузная фигура в вице-адмиральском мундире. При нем не было внушительного сопровождения, за исключением одного помощника. Мы тотчас узнали адмирала Такидзиро Ониси, нового командующего японской морской авиацией на Филиппинах.

² Соединение 1-го японского воздушного флота, в то время составлявшее основу ВВС на Филиппинах.

Вице-адмирал Ониси прибыл из Токио всего двумя днями раньше, чтобы принять командование 1-м воздушным флотом. По прибытии у него едва хватило времени принять дела у своего предшественника, вице-адмирала Кимпэя Тэраоки. Должно быть, имелось немало дел, требовавших его присутствия в штабе воздушного флота в Маниле. Тем не менее адмирал оставался в Мабалакате.

С какой целью он приехал?

Капитан Тамаи и я встали, чтобы приветствовать адмирала. Он сел в кресло и несколько минут молчал, следя за лихорадочными усилиями наземных команд обслуживания на аэродроме на закате дня. Наконец, адмирал повернулся к нам и произнес:

– Я приехал сюда обсудить с вами нечто крайне важное. Может, нам пройти в помещение вашего штаба?

Настало время покинуть командный пункт. Мы с Тамаи сели с адмиралом в его лимузин. Командование эскадрильи и пилоты последовали за нами в других автомобилях.

Мабалакат был пыльным филиппинским городишком. Два или три его приличных здания западного стиля были реквизированы под офицерские казармы. В одном из них за невысокой каменной оградой располагался штаб 201-й авиагруппы. Дом был выкрашен краской кремового цвета с зеленым бордюром снизу. Это производило приятное впечатление домашнего уюта.

Внешний вид дома портил, однако, его интерьер. Всю мебель из дома вынесли и все пространство заставили парусиновыми раскладушками. Повсюду были развешаны предметы летной амуниции, полотенца, выстиранное белье и исподнее. Более тридцати офицеров занимали большую часть дома, в то время как его владельцы – филиппинец с семьей – ютились в двух задних комнатах. Хотя дом был переполнен, он служил жилищем офицерам-пилотам 201-й авиагруппы.

С одной стороны двора стояли два открытых нефтяных бака, служившие теперь ванной и прачечной. С другой в маленькой пристройке к дому размещались дневальные. Везде буйно зеленели деревья и кусты, окаймлявшие небольшую лужайку. В общем, это была чудная казарма.

Унтер-офицеры и солдаты квартировали по соседству в местных домиках. Эти неряшливые постройки приподнимались над землей примерно на 5 футов. Их пол из расщепленного бамбука соответствовал местному климату и давал ночью прохладу. Чтобы поспать, солдаты расстилали на полу одеяла, но если бамбуковые планки не были хорошо подогнаны друг к другу, то под сетку от москитов проникала уйма этих насекомых, делая пребывание в хижине невыносимым. В беспомощности перед нашествием этих кровососущих насекомых наших пилотов, имевших большой боевой стаж, было нечто забавное.

После того как наш автомобиль остановился у здания штаба, мы выбрались из салона и последовали за вице-адмиралом Ониси внутрь помещения. Пока адмирал отвечал на телефонный звонок, прозвучавший с нашим приходом, вызвали офицера штаба Тюити Ёсиоку из 26-й воздушной флотилии и двух командиров эскадрилий 201-й авиагруппы, лейтенантов Ибусуки и Ёкояму. Затем мы шестеро уселись вокруг стола в небольшой комнате на втором этаже с окнами, выходящими во двор. Дверь, ведущая в коридор, оставалась открытой. Снаружи было темно.

Адмирал Ониси окинул внимательным взглядом лица офицеров, сидевших рядом, как бы пытаясь прочесть их мысли. Затем негромко заговорил:

– Как вы знаете, военная обстановка крайне серьезна. Подтвердилась информация о появлении крупных сил американского флота в заливе Лейте. Судьба империи зависит от исхода операции «Сё»,³ которую активизировал имперский Генеральный штаб с целью

³ Разработка операции «Сё» была завершена в июле 1944 года после прорыва американскими войсками основного обо-

предупредить вторжение противника на Филиппины. Наши ВМС уже действуют. 2-й флот вице-адмирала Куриты, составляющий нашу основную боевую мощь, будет выдвигаться в район Лейте в целях уничтожения сил вторжения противника. Задача 1-го воздушного флота состоит в обеспечении прикрытия с воздуха продвижения кораблей адмирала Куриты с тем, чтобы воздушные атаки противника не могли помешать им достичь залива Лейте. С этой целью нам нужно нанести удары по авианосцам противника и минимум на неделю исключить их из боевых действий.

Актуальность и масштабы стоящей перед нами задачи огромной важности и сложности очевидны. Только если грозное авианосное соединение противника, прикрывающее высадку десанта, будет нейтрализовано на неделю, флот Куриты, включающий мощные линкоры «Мусаси» и «Ямато», но не имеющий ни одного авианосца, способен пройти через залив Лейте в целях уничтожения десантных средств противника и предотвращения вторжения. Таким образом, успех плана имперского штаба зависит от нашей способности выполнить свою задачу. «Сё» означает «победа», но если 1-й воздушный флот не справится со своей задачей, операция «Победа» обернется непоправимым поражением.

Однако сейчас выглядит легкомысленной даже сама надежда на успех. В начале сентября мы были гораздо сильнее, но авианосные соединения противника все-таки смогли нанести мощные удары по нашим базам на всей территории Филиппин, ослабив наши ВВС. Если мы не смогли остановить их тогда, то как это можно сделать сейчас, когда из всех истребителей воздушного флота, сосредоточенных в 201-й авиагруппе, только 30 самолетов пригодны для оперативного использования и столь же мизерные силы рассеяны от Замбоанги до центрального Лусона? Да, планы «Сё» предусматривают переброску к нам с Формозы 2-го воздушного флота, но этот флот только что перенес тяжелые испытания в воздушных боях с самолетами палубной авиации авианосцев дальнего радиуса действия противника. Пока произойдет перегруппировка сил 2-го воздушного флота и их переброска на базы ВВС на Филиппинах, мы остаемся в одиночестве – горстка самолетов против сотен!

Во время выступления адмирала Ониси мы почувствовали, что он прибыл в штаб для чего-то более важного, чем простое напоминание о том, что мы уже знали. Всех нас мучил вопрос, каким образом можно было выполнить нашу задачу при таком неравенстве сил. Мы ждали от адмирала ответа на этот вопрос.

Я вглядывался в резкие черты лица адмирала, когда он снова заговорил:

– По-моему, есть лишь один способ обеспечения максимальной эффективности наших мизерных сил. Это организовать подразделения смертников из состава пилотов истребителей Зеро с 250-килограммовыми бомбами на борту, каждый из которых врезался бы во вражеский авианосец... Что вы об этом думаете?

Горящий взгляд адмирала прошелся по каждому из сидевших за столом. Некоторое время все молчали, но слова адмирала Ониси как молнией пронзили каждого из нас. В самом деле, тактика тарана (тайатари) уже использовалась летчиками ВМС в воздушных боях против больших вражеских бомбардировщиков. В боевых частях имелось немало пилотов, предлагавших применить ту же тактику против авианосцев противника. В это трудно поверить, поскольку никто не желает умирать. Но вполне можно понять того, у кого в голове засела мысль о том, что с учетом тяжелых потерь нашей авиации в 1944 году шансы пилотов

ронительного рубежа Японии в Новой Гвинее и на Марианских островах. Операция «Сё» разрабатывалась как оборонительно-наступательная на случай очередного наступления противника. Наиболее вероятной целью американцев считались Филиппины, но не исключались также их операции на Формозе, островах Рюкю или даже островах Японского архипелага, следовательно, учитывались все варианты. Согласно плану «Сё» вне зависимости от того, какой район будет атакован главными силами противника, эта территория объявлялась «театром решающего сражения» и для разгрома противника сюда направлялись все наличные силы. Решение о приведении операции «Сё» в действие оставлялось на усмотрение имперского Генерального штаба. Его приняли 18 октября в 17.01 при первом же намеке на вторжение американских войск на остров Лейте. Филиппины объявили зоной решающих боев.

вернуться живыми из боевых вылетов против авианосцев были ничтожно малы, независимо от используемых ими методов атаки. Если пилот обречен на гибель, разве не естественно его желание погибнуть с пользой, взяв с противника максимальную цену за свою жизнь?

Следовательно, молчание, которым встретили участники совещания слова Ониси, не имело ничего общего с оцепенением или страхом. Наконец его нарушил капитан Тамаи:

– Ёсиока, какой может быть результат от того, что самолет с 250-килограммовой бомбой на борту врежется в полетную палубу авианосца?

Офицер штаба Ёсиока ответил:

– Ущерб от этого должен быть гораздо большим, чем от обычной бомбардировки. Понадобится, вероятно, несколько дней, чтобы отремонтировать полетную палубу.

Несомненно, капитан Тамаи знал об этом, он задал свой вопрос, желая снять напряжение за столом и выиграть время для того, чтобы собраться с мыслями. Затем он повернулся к адмиралу:

– Как начальник штаба своего подразделения, я не имею права решать столь важные вопросы. Я должен узнать мнение командира нашей авиагруппы капитана Сакаэ Ямамото.

Адмирал Ониси мгновенно отреагировал на эти слова:

– Я только что переговорил по телефону с капитаном Ямамото, находящимся в Маниле. Самолет капитана попал в аварию. У капитана сломана нога, его поместили в госпиталь. Ямамото сказал, что я могу полагаться на ваше мнение, как на его собственное. Он оставляет решение на ваше усмотрение.

Это замечание заставило Тамаи внезапно осознать свою личную ответственность за решение. Меня заинтересовал его ответ. Согласится ли этот добродушный и скромный офицер с предложенным способом атаки? Мы все повернулись в его сторону и напряженно ждали, какое он выскажет мнение, зная о том, что именно мы будем осуществлять такие атаки.

Капитан Тамаи был прекрасно осведомлен о критической военной обстановке, требовавшей столь чрезвычайных мер. Он знал также о настроениях своих пилотов. После продолжительной паузы Тамаи попросил у адмирала несколько минут на размышление. Он жестом предложил лейтенанту Ибусуки следовать за собой и вышел из комнаты.

Позднее Тамаи рассказал мне, что они пошли в его кабинет и обменялись мнениями о возможном отношении пилотов к перспективе аварийного пикирования.

Услышав мнение Ибусуки на этот счет, Тамаи вернулся за стол совещания и произнес:

– Облеченный своим командиром всей полнотой ответственности, я полностью разделяю точку зрения адмирала. 201-я авиагруппа выполнит предложенный им план. Могу я попросить вас оставить мне проект организации нашего подразделения аварийного пикирования?

Хорошо помню выражение лица, с которым адмирал Ониси кивнул в знак согласия. Оно выражало чувство облегчения с оттенком печали.

Теперь тактика аварийного пикирования получила право на существование. Сразу же возникла необходимость сформировать специальное ударное подразделение. Времени было в обрез, возможно, уже завтра потребуется действовать.

Адмирал Ониси удалился передохнуть. Историческое совещание завершилось.

Специальный ударный корпус «Камикадзе»

Когда адмирал Ониси покинул комнату, Тамаи принялся за работу. Как только было упомянуто о подразделении аварийного пикирования, он стал прикидывать, кого из пилотов выбрать для выполнения такой задачи. За много месяцев капитан хорошо узнал молодых пилотов. По завершении основного курса обучения в октябре 1943 года их определили в

его 263-ю авиагруппу в Японии в качестве неоперившихся начинающих пилотов. Капитан Тамаи возлагал на них большие надежды, вкладывал в их боевую подготовку душу и сердце.

Подготовка этих юношей была завершена к февралю 1944 года лишь наполовину, когда им неожиданно приказали отбыть на Марианские острова на действительную военную службу. С этого времени они беспрерывно воевали в воздушном пространстве от Тиниана через Палау к Япу против чудовищно превосходящих сил противника. Многие из них пали в боях, выжившие продолжали воевать. В первую неделю августа их перебросили в южные Филиппины и включили в 201-ю авиагруппу вновь образованного 1-го воздушного флота морской авиации. Тамаи прибыл с должности командира 263-й авиагруппы на пост начальника штаба 201-й.

К этому времени 201-я авиагруппа убавилась почти до трети от своей первоначальной численности, но суровый опыт войны укрепил сердца и души пилотов и повысил их профессиональное мастерство. Теперь это были закаленные ветераны с высоким моральным духом. Капитан Тамаи, воодушевлявший их в период подготовки и разделявший с ними трудности жестоких боев с начала их участия в них, глубоко привязался к этим парням, как отец к своим детям.

Он всегда желал, чтобы молодые летчики хорошо послужили своей стране. Пилоты в свою очередь относились к Тамаи как к своему родителю и не упускали случая продемонстрировать это. Естественно, что сейчас он думал прежде всего о них.

После консультаций с командирами эскадрилий капитан Тамаи приказал срочно собрать всех пилотов авиагруппы. Когда собрались все двадцать три пилота, он обрисовал им критическую ситуацию и сообщил об идее адмирала Ониси. В состоянии эмоционального возбуждения и радости пилоты единодушно подняли руки, демонстрируя полное согласие. Тамаи подчеркнул необходимость сохранять в тайне переданную пилотам информацию, и по завершении встречи они разошлись по своим казармам.

Уже после полуночи Тамаи вернулся в расположение офицерских квартир и сообщил мне о реакции пилотов.

— Иноуги, они так молоды, — говорил он. — И хотя они не смогли бы объяснить, что происходило в их сердцах, я никогда не забуду выражение твердой решимости на их лицах. В слабо освещенной комнате их глаза светились энтузиазмом. Должно быть, каждый летчик воспринимал это как шанс отомстить за товарищей, недавно погибших в ожесточенном сражении за Марианские острова, а также в Палау и Япе. Естественно, сердца молодых людей горели воодушевлением.

Таким образом, мы обрели полную уверенность в возможности найти пилотов для подразделения аварийного пикирования.

Кому следовало доверить командование этими прекрасными молодыми людьми? Мы обсудили разные варианты, и я высказал мнение, что их командиром должен стать выпускник военно-морского училища. Тамаи согласился с этим, добавив, что на эту должность подошел бы Наоси Канно, но, к сожалению, он уехал с заданием в Японию.

— Если бы Канно был здесь... — пробормотал Тамаи в глубоком раздумье.

Необходимыми для командира качествами обладали несколько пилотов, но для столь важной задачи требовался самый лучший. Он должен был отличаться особым характером и способностями. Капитан Тамаи перебирал варианты и остановился наконец на Юкио Сэки, как пилоте, выделяющемся среди других.

Лейтенант Сэки прошел подготовку по борьбе с бомбардировщиками, базирующимися на палубах авианосцев, но не с истребителями. Он прибыл на Филиппины около месяца назад с Формозы. Капитан Тамаи, занятый ежедневными заботами по отправке людей на боевые вылеты в целях поражения объектов противника и отражению вражеских авианалетов, имел мало времени для бесед с лейтенантом Сэки. Но с течением времени молодой лей-

тенант стал искать любую возможность, чтобы встретиться с Тамаи и весьма эмоционально высказать свое мнение о военной ситуации, а также обратиться с просьбой о вылете на боевое задание. Это повторялось так часто, что, несмотря на непродолжительную службу Сэки в авиагруппе, Тамаи был о нем высокого мнения.

Я раньше служил инструктором в военно-морском училище и помнил Сэки курсантом. У меня не было сомнений, что он станет хорошим командиром. Поэтому мы с Тамаи сошлись на этом выборе и послали курьера, чтобы вызвать лейтенанта Сэки на беседу.

Ночь на Филиппинах темна и тиха. Мы молча сидели в офицерских апартаментах, прислушиваясь к затихающему шуму шагов курьера на лестнице. В глубокой дремоте я думал о Сэки, о том, какие ему снятся сны. Вскоре на лестнице послышались быстрые шаги и в дверном проеме показалась высокая фигура лейтенанта. Очевидно, он спешил, потому что его френч был застегнут не на все пуговицы.

– Вы меня вызывали, господин капитан? – обратился лейтенант к Тамаи.

Получив приглашение присесть, молодой человек занял кресло напротив нас. Тамаи похлопал его по плечу и сказал:

– Сэки, сам адмирал Ониси посетил 201-ю авиагруппу, чтобы представить план огромной важности для Японии. План заключается в аварийном пикировании наших истребителей Зеро с 250-килограммовыми бомбами на борту на палубы вражеских авианосцев с целью обеспечить успех операции «Сё». Предполагается, что вы возглавите такое ударное подразделение. Что вы об этом думаете?

Когда капитан Тамаи закончил говорить, на его глазах блеснули слезы.

Ответ последовал не сразу. Сэки застыл в глубоком раздумье, упершись локтями в поверхность стола и обхватив руками голову. Его скулы были сжаты, а глаза закрыты. Промелькнули секунда, две, три, четыре, пять... Наконец он пришел в движение, медленно проведя пальцами по своим длинным волосам. Затем, подняв голову, сказал:

– Вы должны обязательно разрешить мне это. – В голосе лейтенанта не было ни малейшей дрожи.

– Спасибо, – просто произнес Тамаи.

Гнетущая атмосфера вдруг рассеялась и комната просветлела, как если бы небо очистилось от облаков, чтобы дать возможность пробиться лунному свету. Мы повели разговор о мерах, которые следует принять дальше. Дискуссия была краткой, но я успел заметить в каждом слове и жесте Сэки силу характера, что подтвердило правильность нашего выбора его в качестве командира подразделения.

После решения вопросов о составе и командовании специального ударного корпуса я сказал:

– Поскольку это особая задача, нам нужно придумать особое название для подразделения.

Тамаи согласился с этим, и я предложил:

– Как насчет «Симпу»?⁴

– Отлично, – одобрил Тамаи. – В конце концов нам нужно привести в движение Божественный ветер.

Я поднялся по лестнице в комнату, где отдыхал адмирал Ониси, доложить о завершении процесса организации подразделения. Постучав, я открыл дверь.

В комнате не горела ни одна лампа, но сквозь окно проникал свет от звездного неба. Я мог различить на парусиновой койке у двери очертания какой-то фигуры. В течение нескольких часов после встречи с нами адмирал Ониси оставался в темной комнате наедине со своими тревожными мыслями.

⁴ «Симпу» – другой способ прочтения иероглифов в слове «камикадзе».

Когда я приступил к докладу, адмирал встал с койки.

– Для выполнения спецзадания сформирована команда из двадцати трех человек. Выпускник военно-морского училища, лейтенант Сэки выбран командиром. Поскольку задание специальное, нам хотелось бы, чтобы вы дали название подразделению. Капитан Тамаи и я предлагаем назвать его «Симпу».

Адмирал Ониси кивнул в знак согласия. Было раннее утро 20 октября 1944 года, но сразу же было составлено заявление об операции и вывешено после того, как под ним поставил свою подпись адмирал. Вот суть заявления:

«201-я авиагруппа сформирует специальный ударный корпус и 25 октября по возможности уничтожит или сделает недееспособными авианосные силы противника в акватории к востоку от Филиппин.

Корпус будет носить название „Симпу“. В него войдут 26 истребителей, половина которых предназначена для выполнения аварийного пикирования, а остальные – для их сопровождения. Подразделение будет делиться на четыре секции со следующими обозначениями: „Сикисима“, „Ямато“, „Асахи“ и „Ямадзакура“.⁵ Командовать ударным подразделением „Симпу“ будет лейтенант Юкио Сэки».

Между тем капитан Тамаи и лейтенант Сэки продолжали беседу в офицерской комнате. Они рассматривали все фазы операций, необходимость в которых могла возникнуть с наступлением дня. Помня об этом и учитывая позднее время, Тамаи наконец предложил Сэки хоть немного поспать.

Должно быть, возвращаясь в свою комнату, Сэки думал о своей вдовствующей матери и девушке, которая всего несколько месяцев назад стала его невестой. Но капитан Тамаи не мог входить в обстоятельства личной жизни Сэки. Сейчас он должен был сосредоточиться на боевой задаче и подавить в себе стремление позаботиться о решительном молодом воине.

⁵ *Сикисима* – поэтическое название Японии, *Ямато* – древнее название Японии, *асахи* – «утреннее солнце», *ямадзакура* – «гора в цветущих вишнях».

Тадаси Накадзима

Глава 2 АВАРИЯ У МАНИЛЫ

(октябрь 1944 г.)

День 19 октября 1944 года я никогда не забуду. Как инструктор по летной подготовке 201-й авиагруппы утром я был всецело погружен вместе со своим командиром капитаном Саказэ Ямамото в обычные приготовления к боевым действиям днем. В соответствии с приказами по операции «Сё», которую к этому времени начали проводить, 201-я авиагруппа получила задание атаковать силы противника у входа в залив Лейте.

Уже занялся день, когда капитану вручили депешу. Он прочитал ее и повернулся ко мне:

– Накадзима, депеша от адмирала Ониси. Он хочет, чтобы мы прибыли в его штаб в Маниле в 13.00!

Едва мы познакомились с содержанием послания, как прозвучала воздушная тревога. Ранним утром совершали налет на Мабалакат американские самолеты. Вызванные ими разрушения и сумятица задержали наше отбытие. Только после того как были отправлены в 14.00 наши самолеты на боевое задание, мы наконец поехали в Манилу на автомобиле. Я редко совершал продолжительные автомобильные поездки. Летал над этим районом много раз, но никогда не ездил по тому же маршруту на автомашине. Незаселенные пространства, через которые проходит дорога от Мабалаката в Манилу, могли использоваться партизанами для засад, и мы почувствовали облегчение, когда в 16.30 прибыли в Манилу. Однако мы испытали замешательство и тревогу, когда обнаружили, что адмирал Ониси отправился на машине в Мабалакат. Выходило, что наши автомобили разминулись в пути, о чем мы не подозревали.

Должно быть, у адмирала были веские основания для вызова нас в Манилу, и, кроме того, нам нужно было согласно приказу по операции «Сё» атаковать корабли противника на следующее утро. Поэтому мы решили вернуться в Мабалакат. Если бы мы поехали на автомобиле, то ночь застигла бы нас в дороге, и мы могли подвергнуться нападению партизан. Вот почему я связался по телефону с ближайшим аэродромом Николс и попросил приготовить для нас истребитель. С согласия капитана я решил, что мы доберемся до Мабалаката самолетом.

Мы поспешили на аэродром Николс и увидели истребитель Зеро, который отбуксировали на бетонную дорожку. Авиамеханики возились с двигателем, рокот которого выдавал неполадки. Я приказал заменить свечу зажигания. Когда это сделали, капитан Ямамото взобрался на сиденье позади пилота. Я занял место в кабине и запустил двигатель. Мне не очень понравилось, как он работал, но ночь быстро приближалась, и, в конце концов, полет до Мабалаката занимал всего лишь двадцать минут. Я решил, что нам удастся совершить полет, и поднял самолет в воздух, не придавая значения неполадкам двигателя. Это был глупый поступок, и вскоре я понес за него наказание.

Как только мы поднялись в воздух, я попытался убрать шасси, однако обнаружил, что рычаг управления заклинило. Капитан Ямамото старался мне помочь со своего места, но тщетно. Нам пришлось лететь с выпущенным шасси. Это значительно убавляло скорость, но ничего нельзя было сделать. Я сделал круг над аэродромом Николс и направился на север. Когда мы пересекали Манильский залив, высотомер показывал 400 метров. Затем я почувал запах бензина!

Наличие паров бензина в самолете крайне опасно. Это признак утечки бензина, способной в любой момент вызвать пожар. Как раз в то время, когда я подумал о возможности

такого несчастья и о том, что предпринять, внезапно заглох двигатель. Времени не было даже удивиться. Я включил ручной топливный насос и взглянул на манометр. Я перебрал все переключатели, перепробовал все, но двигатель продолжал бездействовать.

Мы не могли ни вернуть самолет на аэродром Николс, ни сесть на каком-нибудь другом аэродроме. Я перебрал в мозгу все варианты посадки. Можно было либо сесть на поверхность моря, либо на посеы риса. С убраннным шасси безопаснее было бы сесть на поверхности Манильского залива, но оно оставалось выпущенным. Если бы мы плюхнулись в воду, я, пожалуй, мог бы выбраться из кабины, однако капитан Ямамото, зажатый в задней части фюзеляжа, не успел бы покинуть самолет.

Как только заглох мотор, я сделал вираж резко вправо и стал пикировать на землю. В поле зрения попала дорога, тянувшаяся внизу вдоль правого берега Манильского залива. Если бы я попытался сесть на дорогу, а самолет развернулся влево, мы могли упасть в море и у капитана Ямамото не было бы шанса выжить. Я решил садиться на посеы риса.

Чтобы не дать самолету застрять в грязи, я внимательно следил за скоростью. В то же время я попытался ослабить крепления моего сиденья, чтобы капитан смог легко покинуть самолет в случае пожара при посадке. Мне удалось вытащить правое крепление, но снятию левого препятствовал мой вес. Видимо, это обстоятельство послужило на пользу, потому что при ослабленном креплении сиденье расшаталось бы и помешало мне управлять самолетом.

Мы быстро теряли высоту, едва не задевая крыши построек, разбросанных в окрестностях Манилы. Совсем близко я увидел рисовое поле, затем последовал чудовищный грохот, с которым самолет плюхнулся на него, подняв фонтаны грязной воды. Чудесным образом мы не перевернулись и избежали пожара в самолете. В момент столкновения с землей стойки шасси сломались, и самолет проскользил метров 20, пока не остановился. Это была счастливая посадка.

Я быстро выдернул оставшееся крепление, удалил сиденье и помог капитану Ямамото выбраться из самолета. Во время крушения капитан повредил левую лодыжку, я же отделался всего лишь несколькими царапинами на лице. Мы с трудом выбрались на ближайшую дорогу и остановили проезжавший армейский грузовик, который довез нас, похожих на двух замызганных крыс из канализации, до штаба.

Именно здесь мы впервые узнали о том, что причиной вызова нас адмиралом Ониси было предложение сформировать специальное ударное подразделение. Когда капитан Ямамото услышал об этом от начальника штаба Ониси, капитана Тосихико Одавары, он немедленно позвонил адмиралу Ониси по телефону в Мабалакат, чтобы сообщить с сожалением о нашей вынужденной посадке. Он добавил, что полностью согласен с планом адмирала и, поскольку связан необходимостью оставаться в Маниле, передает решение всех вопросов в Мабалакате на усмотрение своего начальника штаба, капитана Тамаи.

На следующий день, 20 октября, рано утром я вернулся на автомобиле в Мабалакат и узнал там, что уже отобраны 24 пилота для спецподразделения, получившего название «Симпу». Его команда была готова совершить боевой вылет по первому указанию. Капитан Тамаи рассказал мне об обстоятельствах выбора лейтенанта Сэки командиром подразделения, а также пилотов, предыдущей ночью изъявивших желание войти добровольно в состав подразделения. Меня обрадовало, что формирование спецподразделения прошло так гладко.

Рикихэй Иногути
Глава 3
«ОТ ИМЕНИ СТА МИЛЛИОНОВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ»
(октябрь 1944 г.)

В конце октября по утрам и вечерам в центральном Лусоне довольно холодно. Вода в реке Бамбан, текущей непосредственно к северу от Мабалаката, столь прозрачна, что с берега отлично видны мельчайшие камешки на дне реки. По обеим ее берегам качаются на ветру и отражаются в воде белые плюмажи пампасной травы. Этот чудный вид заставил меня вспомнить Японию.

Здесь, в окружении пампасной травы, рядом с каменистым руслом реки, тянувшимся к подножию скал, находилась группа молодых людей, чьи мысли в данный момент, очевидно, были обращены к родине, если выпадало время полюбоваться ландшафтом. Они входили в состав первого специального ударного корпуса под командованием лейтенанта Сэки. На заре этого дня, 20 октября, они были готовы приступить к выполнению боевого задания и с воодушевлением обсуждали разные способы атак вражеских авианосцев и меры предосторожности при этом.

За завтраком пилоты не прекращали свой оживленный разговор. Как только они поели, поступил вызов собраться на первую и последнюю инструкцию адмирала Ониси. Двадцать четыре добровольца, состоявших в подразделениях «Сикисима», «Ямато», «Асахи» и «Ямадзакура», выстроились в одну линию. На шаг впереди всех встал лейтенант Сэки. Адмирал Ониси с одухотворенным выражением лица смотрел на строй перед собой. Он выглядел мертвенно-бледным, начал говорить медленно, с трудом подбирая слова:

– Япония – в смертельной опасности. Нашу страну сейчас уже не в силах спасти ее министры, Генштаб и нижестоящие военачальники, подобные мне самому. Спасти страну могут лишь такие самоотверженные молодые люди, как вы. Поэтому от имени ста миллионов соотечественников я прошу от вас этой жертвы и молюсь за успех. – В этом месте голос адмирала задрожал от волнения, но он продолжил: – Вы уже превратились в божества, лишенные земных желаний. Но вы хотите быть уверенными, что ваше аварийное пикирование будет не напрасным. К сожалению, мы не сможем сообщить вам о результатах ваших атак. Но я буду отслеживать ваши усилия до конца и доложу о ваших подвигах императору. На этот счет вы можете не сомневаться. Прошу вас сделать все возможное. – Он завершил свою речь со слезами на глазах.

Таких волнующих слов я никогда прежде не слышал. Они были рассчитаны просто на активизацию самосознания молодых, но отнюдь не на восхваление их честолюбия. Япония, по существу, вручила свою судьбу в руки юношей, желающих умереть ради спасения родины. Сокрушить противника, обладающего подавляющим превосходством, и повернуть вспять неблагоприятный ход войны представлялось почти невозможным. Наше положение не поддавалось разумной оценке. Реализация надежд на чудо связывалась с этими юношами.

На последнем инструктаже молодых пилотов отличали твердость и спокойствие, которые приходят лишь к тем, кто сознает свое значение и силу. Когда они уходили, невозможно было подавить в себе чувство протеста против ужасного состояния, до которого дошла наша страна, фанатизма наших юношей, адмирала Ониси, моего собственного участия в этих делах.

Дневник адмирала Тэраоки

Развитие этих экстраординарных событий на самом высоком уровне отражено в дневнике вице-адмирала Кимпэя Тэраоки, который вел записи в манильском штабе с момента передачи командования 1-м воздушным флотом адмиралу Ониси до возвращения Ониси из Мабалаката.

«18 октября 1944 года: дан ход операции „Сё“.

Время играет против нас. Число наличных самолетов ограничено. Мы вынуждены использовать в этой операции наиболее эффективный способ войны. Настало время рассмотреть предложение адмирала Ониси по применению тактики аварийного пикирования. Были откровенно изложены различные мнения:

- 1) обычная тактика не сработает;
- 2) чтобы выиграть войну, следует предпринять сверхчеловеческие усилия;
- 3) о добровольцах для атак смертников следует докладывать имперскому штабу до их вылетов, чтобы они чувствовали себя спокойными и уверенными;
- 4) следует ли обсудить непосредственно с молодыми летчиками их задания или сообщить им о них через командиров подразделений?
- 5) для планирования будущих атак следует требовать от командиров подразделений смертников их предложения;

6) когда будет сформировано первое подразделение смертников из добровольцев — пилотов истребительной авиации, его примеру последуют другие подразделения. Если так поступят все авиационные подразделения, найдутся добровольцы и среди личного состава ВМФ. А если в этом деле проявит единодушие флот, его поддержит армия.

После обмена мнениями мы пришли к заключению, что тактика атак смертников является единственно возможным способом спасения страны. Решено, что новый командующий Ониси сформирует спецподразделение по собственному усмотрению.

Адмирал Ониси вызвал в Манилу командира 201-й авиагруппы в Мабалакате капитана Ямамото и его инструктора по летной подготовке капитана 3-го ранга Накадзиму. Те не смогли прибыть в назначенное время, и Ониси в 16.00 отправился на авиабазу Кларк, надеясь встретить вызванных офицеров в пути. (На закате дня в 18.30.)

Однако капитан Ямамото прибыл в Манилу чуть позже 17.00, задержавшись на авиабазе Кларк из-за отправки после полудня на боевые вылеты пилотов своего подразделения.

На месте в Мабалакате оказался начальник штаба капитан 3-го ранга Тамаи. Он принял адмирала Ониси и обеспечил его добровольцами для атак смертников.

На выполнение первого боевого задания вызвались добровольцами двадцать четыре человека. Эта авиагруппа получила название „специальный ударный корпус „Симпу““. Корпус разделили на четыре подразделения под названиями: „Сикисима“, „Ямато“, „Асахи“ и „Ямадзакура“. Эти названия взяли из „вака“ (поэмы) Норианаги Мотоори, националистически настроенного классика периода Токугавы: „Сикисима но Ямато-гокоро во хито товаба асахи ни ниоу ямадзакура-бама“.⁶

Адмирал Ониси был рад узнать, что лейтенант Юкио Сэки, выпускник военно-морского училища, с готовностью откликнулся на возможность возглавить корпус. Вечером 20 октября адмирал вернулся с авиабазы Кларк в Манилу. Он с большим энтузиазмом рассказывал о создании корпуса камикадзе: „Пилоты жаждут дела и образовали замечательную

⁶ Японский дух подобен цветению вишни в горах с переливами света при утреннем солнце (яп.).

команду. Они попросили разрешения самим разработать детали организации, и я одобрил их инициативу“.

Ониси принял от меня командование в 20.00. Я искренне пожелал ему успеха в превращении в жизнь новой тактики, и он дал слово сделать все возможное, чтобы добиться успеха...»

По возвращении из Мабалаката в Манилу на лице адмирала запечатлелась мрачная решимость, и это понятно. Освободив адмирала Тэраоку от его обязанностей, Ониси знал, что единственной надеждой на отражение атаки мощного соединения ВМС противника является успех предложенной им беспрецедентной тактики.

Рикихэй Иногути

Глава 4

ПОСЛЕДСТВИЯ БИТВЫ НА МАРИАНСКИХ ОСТРОВАХ (май 1942-го – октябрь 1944 г.)

Штаб 1-го воздушного флота размещался в двухэтажном здании недалеко от авиабазы Николс в окрестностях Манилы. На первом этаже располагались две большие комнаты, которые служили столовой и конференц-залом. В нескольких комнатах меньшего размера жили курьеры. На втором этаже находились ванная и пять довольно просторных комнат, которые занимали командующий 1-м воздушным флотом и офицеры его штаба. Дворики перед зданием и позади него были небольшие, но в каждом из них имелось бомбоубежище.

На фоне окружающих домов здание штаба выглядело довольно импозантно. Оно принадлежало состоятельному владельцу, а содержимое книжных полок внутри здания указывало на то, что он был интеллектуалом. Рядом со зданием штаба находился дом, который использовался, очевидно, для игры в «джай алай», а еще дальше располагались несколько наспех построенных бараков для сержантского состава. Один из этих бараков служил центром связи.

От моря эти дома отделяли мощеная дорога и мол. Стоя у мола, я мог видеть на западе через Манильский залив антенны и трубы Кавите и еще дальше, чуть справа от Кавите, виднелся остров Коррегидор посередине входа в залив. На южной оконечности полуострова Батаан маячили горы Маривелес, отделенные от Коррегидора узкой полоской воды.

На южной окраине города, рядом со мной, высилась громада отеля «Манила». Это здание, обращенное к морю, привносило в ландшафт элемент модерна. Еще ближе ко мне, у причала Легаспи, располагался бывший клуб армии и флота США, ставший теперь штабом японского флота юго-западной зоны.

На закате красноватый оттенок небесного свода на западе незаметно перешел в пурпурный и затем, сливаясь с горами, островами, кораблями и домами, – в темно-серый. Наблюдая, как садится солнце за высившиеся на фоне неба неясные очертания гор Маривелес, я размышлял о важных событиях этого дня и исторических циклах, которые здесь обнаруживались, – особенно о резкой смене обстоятельств, приведших Японию к кризису.

Именно здесь, в Манильском заливе, полвека назад американский коммодор Джордж Дьюи отдал свой приказ, который часто цитируется: «Можете открывать огонь, Гридли, когда будете готовы!» Его действия привели к захвату Манилы и продолжили традицию решительных и смелых операций американского флота. В более поздние времена в этом месте происходили более масштабные действия, начавшие серию сражений в тихоокеанской войне, – рейды японской морской авиации, операции по зачистке полуострова Батаан и атака Коррегидора. В воды, омывающие Лусон, заходили американские и японские военные корабли, а сейчас их бороздят корабли императорской Японии.

Эти горы равнодушно наблюдали за тем, как генерал Макартур оставил надежду защитить Филиппины, сел в небольшой патрульный катер и бежал в Австралию. За этим вскоре последовали победа Японии на Филиппинах и ее успехи в наступательной кампании в обширной зоне Тихого океана, на островах, рассыпанных от Соломоновых островов до Китая и от Австралии на север. В мае 1942 года сражение в Коралловом море впервые остановило японскую экспансию. Месяцем позже Японии было нанесено первое сокрушительное поражение в битве при Мидуэе. Но эти неудачи не смогли предотвратить установление в завоеванной зоне протяженной линии обороны, которая не испытывала серьезных уда-

ров противника вплоть до февраля 1944 года, когда американцы оккупировали центральные Маршалловы острова.

После потери Маршалловых островов японское Верховное командование создало новую «абсолютную» оборонительную линию, протянувшуюся от островов Огасавара через Марианские и западные Каролинские острова к западу от Новой Гвинеи. Эту линию армия и флот решили защищать до последнего человека. Однако в течение четырех месяцев после захвата Маршалловых островов оборонительная линия была прорвана в самом центре.

Командование нашей морской авиации, хваставшее в начале кампании на Тихом океане абсолютным превосходством в воздухе на всех театрах войны, обнаружило, что с середины 1943 года японские Зеро уступали по боевым характеристикам новым «F6F», «F4U» и «P-38» Соединенных Штатов. В результате наши ВВС, которым не хватало даже минимума пилотов и амуниции, неожиданно сами вовлеклись в сражения с силами противника, обладающими подавляющим превосходством.

У японского командования не только не было возможности заменить Зеро более совершенными машинами, но не было в достаточном количестве даже самих Зеро, чтобы покрыть половину потребностей сражавшихся войск. Постепенное отступление наших войск с Соломоновых островов, за которым последовали потеря островов Гилберта и Маршалловых и самого Рабауля, привело в конечном счете к утрате способности нашей авиации сдерживать противника.

Нападение противника на Марианские острова в июне 1944 года привело к тому, что в Японии называли операцией «А».⁷ Под этим подразумевались всесторонние усилия в целях предупреждения прорыва нашей оборонительной линии. Базировавшийся на суше 1-й воздушный флот вице-адмирала Какудзи Какуты и мобильные силы вице-адмирала Дзисабуро Одзавы стремились сразиться с противником и получили такую возможность, однако продолжительное сражение привело лишь к дальнейшему ослаблению нашей боевой мощи. В ходе двухдневной битвы 19–20 июня за контроль над Филиппинским морем Япония потеряла три авианосца и более четырехсот самолетов и пилотов. Ни одно подразделение японских войск не вышло из этого сражения без потерь.

В целях выхода из тяжелой ситуации, сложившейся после поражения в ходе операции «А», наши ВМС в зоне Филиппин были реорганизованы. В битве за контроль над Филиппинским морем основная сила 1-го воздушного флота – морская авиация, базировавшаяся на суше, потеряла половину своих самолетов и пилотов, совершавших вылеты с Тиниана и Гуама. Оставшиеся силы в конце июля полностью реорганизовали, тогда же было принято решение перевести их на Филиппины. Командование 1-го воздушного флота, ранее входившее непосредственно в имперские ВМС, теперь составило часть организационной структуры флота юго-западной зоны.

Предполагалось, что командующий 1-м воздушным флотом, вице-адмирал Кимпэй Тэраока, быстро преобразует тренировочные летные поля на Филиппинах в базы ВВС на передовой линии фронта, но это сопровождалось многочисленными недоработками. Недостатки особенно бросались в глаза на базах в центральной и северной частях Филиппин.

Чтобы облегчить проведение тактических операций и упростить решение проблем подготовки и технического обслуживания, было решено упразднить бывшую систему организации малых авиационных подразделений и укрупнить их на базе самолетов разных типов. Таким образом, все истребители были сведены в 201-ю авиагруппу, все бомбардировщики – в 761-ю авиагруппу, а все ночные истребители и разведывательные самолеты – в 153-ю.

⁷ По-японски обычно произносится как «А-го», что означает «номер А».

Когда в начале августа прибыл адмирал Тэраока, в 1-м воздушном флоте насчитывалось 257 истребителей и бомбардировщиков, 25 транспортных самолетов, 18 самолетов армейской разведки, что в целом составило 300 самолетов. Однако из-за недостаточного технического обслуживания и ремонта лишь часть самолетов морской авиации оставалась в боеспособном состоянии, даже патрульную службу приходилось поручать подразделениям армейской авиации.

Благодаря программе ускоренного производства авиационной техники адмиралу Тэраоке удалось ко времени десантной операции противника довести численность своего воздушного флота до 500 самолетов, 280 из которых могли использоваться в тактических операциях. Однако число боеспособных самолетов было уменьшено наполовину американскими ударными силами, совершившими 9–10 декабря интенсивные авиарейды на Давао, а 12–14 сентября – на Себу, Легаспи и Таклобан. Рейды же на зону Манилы 21–22 сентября нанесли еще более тяжелые потери. К концу месяца в распоряжении адмирала Тэраоки осталось около 100 самолетов.

Основным нашим недостатком было размещение авиабаз. Сумятица, последовавшая за реорганизацией 1-го воздушного флота, изменения тактики флота в отношении использования баз ВМС на суше, затянувшиеся переговоры с армейским командованием относительно использования его баз, проблемы с транспортировкой военных грузов явились факторами, способствовавшими ослаблению нашей боеготовности. Боевая мощь морской авиации снижалась еще более из-за плачевного состояния армейских военных баз.

В конце августа лучшими базами ВМС считались те, что располагались в Давао и Себу. Однако в начале сентября авианалеты противника с использованием базировавшихся на суше в Моротаи самолетов «В-24» и «Р-38» усилились до такой степени, что постоянная дислокация наших авиационных подразделений в районе Давао стала невозможной. По соседству не было никаких запасных баз, куда можно было перебросить самолеты, и, как результат, флоту приходилось использовать часть самолетов, чтобы отбивать авианалеты противника, в то время как другие самолеты перемещались на тыловые базы.

В середине сентября решили ускорить техническое переоснащение базы ВВС Кларк, сюда направили огромное количество поставок оборудования. Но времени не хватало, и, когда к концу октября на Филиппины перебросили 2-й воздушный флот, базы там находились в крайне неудовлетворительном состоянии. Именно по этой причине наши ВВС, базировавшиеся на суше, были столь медлительны в действиях и позднее показали плохие результаты в битве над заливом Лейте.

С конца 1943-го – начала 1944 года, даже при том, что наш флот еще сохранял свою морскую авиацию в Рабауле, некоторые пилоты, встревоженные упадком японской военной мощи, стали задумываться над тактикой аварийного пикирования. Младший лейтенант Ота, который позднее предложил использовать «ока»,⁸ на специальных самолетах-штурмовиках, был одним из них.

Ничто так не разрушает боевой дух, как осознание превосходства противника. После битвы в июне за контроль над Филиппинским морем отставание в боеспособности нашей морской авиации стало еще более очевидным. Во время июньской битвы капитан Эйитиро Дзё, командовавший легким крейсером «Тиёда», входившим в состав 3-й авианосной группы вице-адмирала Одзавы, произвел оценку нашей боевой мощи после сражения, сравнил ее с мощностью противника и передал по инстанции следующее мнение:

«Мы больше не можем надеяться на уничтожение численно превосходящих авианосных сил противника обычными методами атаки. Считаю необходимым немедленное форми-

⁸ «Ока» – управляемый смертником реактивный снаряд, который транспортировался бомбардировщиком до цели и затем выпускался. В дальнейшем он будет подробно описан.

рование специальных ударных подразделений, готовых следовать тактике аварийного пикирования. Прошу поручить мне командовать такими подразделениями».

Капитан Дзё, служивший военно-морским атташе Японии в Вашингтоне, а также адъютантом по ВМС императора, продолжил службу в качестве командира «Тиёды» и был участником сражения в заливе Лейте. 24 октября 1944 года, в день первой атаки пилота-смертника американского корабля, «Тиёда» подвергся нападению и был потоплен самолетами американской палубной авиации. Вместе с кораблем утонул капитан Дзё. Но к этому времени его идеи были подхвачены другим офицером.

Летом 1944 года вице-адмирал Такидзиро Ониси занимал должность начальника стратегической службы департамента авиации при министерстве боевого обеспечения. На этом посту он имел возможность убедиться в отставании нашего авиационного производства от выпуска самолетов противником и оценить мрачные перспективы такого положения. Он уделял серьезное внимание рассмотрению мнений и предложений, исходящих от участников боевых действий, поскольку искал способ повышения боеспособности морской авиации в постоянно ухудшающейся военной ситуации.

В начале войны как начальник штаба базировавшейся на суше морской авиации адмирал лично планировал боевые вылеты на Филиппинах и в зону морских сражений у берегов Малайи. Исходя из своего опыта, адмирал понимал, что обычная тактика не остановит наступление американских войск, а об их разгроме не могло быть и речи. Вот почему идеи капитана Дзё произвели на него такое большое впечатление.

Адмирал Ониси 17 октября прибыл в Манилу, чтобы занять свой новый пост. В тот же день американские силы вторжения направились к острову Сулуян, расположенному у входа в залив Лейте. На передовой линии фронта, в окружающих Филиппины морях подобно мощному тайфуну свирепствовало крупное авианосное соединение американцев. За ним выстроилась в полном боевом порядке армада вторжения, готовая вернуть архипелаг Соединенным Штатам. Таким образом, роковой день 17 октября еще более ухудшил положение армии Японии по сравнению с началом 1944 года.

Внезапно я вздрогнул, обнаружив, что сумерки перешли в темную ночь. В короткий миг мысли перенесли меня из славного прошлого в мрачное настоящее. С тяжелым сердцем я отбросил эти размышления, чтобы вернуться к штабной работе и проблемам текущего дня.

Тадаси Накадзима

Глава 5

РОСТ БОЕВОГО ДУХА КАМИКАДЗЕ

(август – октябрь 1944 г.)

Занимая офицерскую должность инструктора по летной подготовке 201-й авиагруппы, я лучше чем кто-либо еще знал, что специальный ударный корпус камикадзе формировался не за одну ночь. Я знал, что рождение корпуса стало кульминацией в подъеме боевого духа воинов, столкнувшихся с подавляющим превосходством сил противника. Мне ведь было известно, что такие взлеты боевого духа и самопожертвования проявились задолго до того, как сформировалось какое-либо из подразделений смертников.

Например, 21 сентября – месяцем раньше, – когда сотни вражеских самолетов весь день бомбили и разрушали Манилу, 45 истребителей 26-й эскадрильи контр-адмирала Масафуми Аримы, дислоцировавшейся на аэродроме базы Николс, атаковали и сбили 27 самолетов противника, потеряв 20 своих машин. А на следующее утро лейтенант Усабуро Судзуки совершил боевой вылет во главе авиаотряда из 15 истребителей 201-й авиагруппы против мощного авианосного соединения США, сделав пять прямых попаданий⁹ и сбив три самолета-перехватчика «хеллкэт» фирмы «Грумман». Отряд потерял пять своих самолетов.

Однако задолго до этого – не позже середины лета – японские пилоты продемонстрировали свой высокий боевой дух иначе. На этот раз они усовершенствовали технику бомбометания с рикошетирующим.

Тогда – в августе 1944 года – предполагалось, что 201-я авиагруппа (истребителей) будет взаимодействовать с 761-й авиагруппой (бомбардировщиков). В состав 761-й входили 16 бомбардировщиков типа 1 (Бетти) и 35 бомбардировщиков «тэндзан» (Джилл). Однако менее половины из них находились в боеспособном состоянии, а большинство пилотов не имели никакого боевого опыта. Взаимодействие двух авиагрупп основывалось на идее сопровождения истребителями бомбардировщиков до их выхода на бомбометание. Однако подразделение истребителей, используемое только для перехвата и сопровождения, не достигало до пика эффективности, независимо от высокого состояния боевого духа пилотов, а горстка бомбардировщиков, которой мы располагали, была не способна противостоять мощным оперативным соединениям американского флота. Для достижения весомых результатов и поддержания боевого духа личного состава наших авиационных подразделений против противника следовало предпринять эффективные меры противодействия. В этих условиях решили использовать истребители для атак на боевые корабли противника.

Наши небольшие истребители Зеро были не способны взять на борт торпеду большого веса, поэтому этот вид боеприпасов не рассматривался. Однако Зеро после незначительного изменения конструкции мог принять на борт 250-килограммовую бомбу. Испытания и опыт показали, что этот вид боеприпасов наиболее эффективен, когда доставляется к цели путем бомбометания с рикошетирующим.

Из многих сопутствующих проблем наиболее сложная состояла в подборе пилотов для такого бомбометания. Практически каждый пилот вызывался стать добровольцем для осуществления такого рода бомбометания, но командиры авиационных подразделений не желали рисковать своими лучшими летчиками в атаках, дающих минимальные шансы на выживание. В лучших пилотах – тех, кто был способен выживать в трудных условиях, –

⁹ Никаких попаданий бомб в корабли 38-го оперативного соединения США в этот день не отмечено.

существовала острая нужда при выполнении заданий по сопровождению бомбардировщиков и перехвату самолетов противника.

Во время бомбометания с рикошетирующим атакующий самолет летит на полной скорости низко над поверхностью воды и освобождается от своей бомбы, приблизившись к цели на расстояние 200–300 метров. Если прицел взят правильно, бомба скачет, подпрыгивает на поверхности воды и ударяется в борт корабля, производя эффект попадания торпеды. Однако это легче выразить словами, чем сделать. Во-первых, высота, на которую прыгает бомба, определяется уровнем, с которого она сбрасывается с самолета. Поэтому сброс должен производиться на уровне, находящемся ниже палубной надстройки корабля-цели. Это крайне трудная задача. Летя на большой скорости над поверхностью воды, почти невозможно отличить высоту в 60 футов от высоты в 30 или даже 15 футов, особенно при малейшем волнении моря. Один из способов определения правильной высоты сброса бомбы состоит в том, чтобы во время приближения к цели держать палубу корабля противника и горизонт на уровне глаз. Но дым от разрывов или скверная погода могут помешать визуальной выверке горизонта, и тогда приходится полагаться на интуицию.

Другая трудность этого метода атаки заключается в обеспечении безопасности самолета после сброса бомбы. Если истребитель продолжит лететь по прямой линии к цели, бомба во время подпрыгивания может попасть в самолет или он может получить повреждения, когда бомба взорвется при попадании в цель. Следовательно, пилот, как только сбросит бомбу, должен изменить свой курс резким акробатическим вывертом. Малейшая ошибка чревата гибелью самолета и пилота. Пилоты истребителей, вероятно вследствие большой практики в выполнении мгновенных маневров, этот элемент учебной подготовки выполняли отлично.

Полигоном для бомбометания с рикошетирующим сделали пролив Бохоль, расположенный у военной базы в Себу. Чтобы сэкономить на боеприпасах большой мощности, на учениях использовались 30-и 60-килограммовые бомбы. Эти бомбы рикошетируют самым неожиданным образом, но пилоты упорно продолжали тренировки и повышали свое мастерство. Вскоре они перешли от бомбометания по стационарным целям к бомбометанию по подвижным целям. Хотя учеба дала хорошие результаты, осуществление всей программы подготовки резко оборвали, когда противник совершил в сентябре неожиданный налет на Давао и уничтожил половину 201-й авиагруппы. После этого осталось так мало самолетов, что шансы на успех оставляли одни лишь атаки смертников. Большое количество добровольцев на участие в бомбометании с рикошетирующим ясно указывало на высокий моральный дух наших пилотов – моральный дух, делавший возможными операции смертников.

Имелось немало индивидуальных проявлений высокого боевого духа и верности долгу наших пилотов. Типичной доблестью были поступки, какие совершали уоррент-офицер Накагава над Давао, лейтенант Канно в Япе и других местах, адмирал Арима у Лусона.

В течение всего августа эскадрилья ночных истребителей «гэкко» (Ирвинг) лейтенанта Тадаси Минобэ безуспешно пыталась противодействовать почти регулярным ночным налетам вражеских «В-24» на город Давао. В неудачах наших попыток сбить эти бомбардировщики следует винить неопытность пилотов «гэкко». Однако уоррент-офицер Ёсимаса Накагава и его наблюдатель, старший уоррент-офицер Исаму Осуми поставили 5 сентября новый рекорд доблести, когда сбили при помощи тарана «В-24». Вражеский налет начался через час после полуночи. Самолет Накагавы стартовал навстречу атакующим самолетам противника. Он сближался с одним из них, когда его пушку заклинило и казалось вражеский бомбардировщик не пострадает.

– Я иду на таран! – крикнул Накагава и направил машину в борт самолета противника.

– Делай свое дело! – твердо ответил Осуми, и пропеллер «гэкко» врезался в фюзеляж бомбардировщика.

Огромный американский самолет стал сразу же падать вниз, а небольшая японская машина с разбитым фонарем мистическим образом продолжала полет. Осколком стекла был поврежден правый глаз Накагавы, а мощный поток воздуха заставил его сместиться в сторону на сиденье. Однако пилоту удалось перевести самолет в горизонтальный полет. «В-24» какое-то время начал выравнивать полет, и Осуми крикнул Накагаве, чтобы тот снова атаковал американца, но как только «гэкко» вошел в пике, его жертва прекратила борьбу за спасение и рухнула в море к югу от острова Самар. Подбитый ночной истребитель Накагавы затем был искусно посажен на взлетно-посадочную полосу базы ВВС, продемонстрировав редкий пример выживания самолета после успешно проведенного тарана.

Накагава и Осуми поступили на службу в подразделение лейтенанта Минобэ, прославившееся своей боевитостью, прямо из летной школы. Однако наиболее выдающимся пилотом, служившим на Филиппинах, был бесспорно лейтенант Наоси Канно. Его летное искусство получило признание еще до окончания им летной подготовки, и уже в начале своего боевого пути он добился блестящих достижений. Однако вершины славы он достиг летом 1944 года, совершая вылеты с авиабазы в Япе. Тогда он атаковал американский «В-24» и, дав несколько бесполезных очередей из пулемета, решил пойти на таран гигантского бомбардировщика. Понимая, что обычное лобовое столкновение может оказаться фатальным лишь для его собственного истребителя, Канно задумал уничтожить американского гиганта, срезав его руль управления посредством своего пропеллера. Он знал, что при сближении с хвостовой частью бомбардировщика у него было мало шансов преодолеть плотный пушечный огонь американца и его самолет может быть сбит до того, как дело дойдет до тарана. Поэтому Канно решил срезать руль управления бомбардировщика, сделав заход спереди самолета противника. Трудность этого маневра состояла в том, чтобы уберечься от ударов лопастей пропеллеров бомбардировщика и одновременно держаться довольно близко к ним для сохранения возможности уничтожения руля.

Первая и вторая попытки японского пилота закончились неудачей, но оба раза он смог уберечься от губительного огня «В-24». С третьей попытки он сблизился с противником на минимальное расстояние, совершая полет прямо под корпусом бомбардировщика до тех пор, пока пропеллер истребителя не искромсал руль американца с невероятным грохотом. На мгновение Канно потерял сознание, а когда пришел в себя, обнаружил, что его самолет находится в жестком штопоре, который отбросил самого пилота в угол фонаря. Все еще оглушенный, летчик действовал машинально. Он подал вперед рычаг управления, медленно, очень медленно, нажимая на ножную педаль до тех пор, пока самолет не вышел из штопора и не перешел в горизонтальный полет. Канно успел заметить, как «В-24» рухнул в море, и смог вернуться на своем изуродованном самолете на аэродром в Япе.

В конце августа Канно служил на Филиппинах в составе 201-й авиагруппы. Как раз в это время он вызвался добровольцем на выполнение заданий по бомбометанию с рикошетирующим. В качестве инструктора по летной подготовке авиагруппы я рассматривал заявления добровольцев и имел право отбирать кандидатуры. Поскольку Канно представлял большую ценность для подразделения, я с большой неохотой уступил настойчивым просьбам пилота включить его в состав летчиков, отрабатывающих на учениях опасную тактику. Он так же ликовал по этому поводу, как огорчился вскоре, когда пришлось отказаться от планов применения бомбометания с рикошетирующим.

На Филиппинах японские пилоты жили скромно. Тропический климат освобождал от необходимости иметь большой гардероб, а частые переброски с одной авиабазы на другую делали его нежелательным. Им требовалась лишь смена нижнего белья и полотенец наряду со штурманскими картами, карандашами, предметами личного туалета и памятными вещами. Это можно было хранить в небольшой сумке. Такая сумка с нанесенным на ней именем владельца имела у каждого пилота. Надпись на сумке лейтенанта Канно была

необычного свойства: «Личное имущество покойного капитан-лейтенанта Наоси Канно». Среди японских военнослужащих был распространен обычай в шутку получать повышение в звании, а Канно не верил в возможность остаться живым задолго до того, как начались операции камикадзе.

К концу сентября 201-я авиагруппа узнала, что в Японии имеются истребители Зеро новой конструкции, которые возместят часть наших многочисленных потерь. Нам нужно было послать пилотов для приема самолетов, произведенных в Японии, и перегнать их на базы ВВС на Филиппинах. Проблем набора добровольцев для выполнения этого задания в личном составе не было, поскольку многие после долгого пребывания на заморских территориях хотели побывать дома, хотя бы несколько дней. Выбор же командира группы добровольцев представлялся более трудной задачей. Мы решили поставить во главе группы летчиков офицера, который имел самый продолжительный срок службы вдали от родины. Им оказался Канно.

Против ожидания Канно это решение не понравилось, и он тотчас заявил о своем несогласии.

– На этих островах вскоре начнется крупная военная операция. Если я уеду домой, то упущу шанс принять в ней участие. Пожалуйста, подберите кого-нибудь еще, – вполне искренне сказал он.

Слова «покойного капитан-лейтенанта Канно» нас не удивили. Но следовало оставаться твердыми. Всякий поехавший в это время в Японию действительно избежал бы предстоящего сражения, но мы настояли, чтобы это был Канно, который неохотно подчинился приказу. Вскоре после его прибытия в Японию противник высадился на Лейте.

Канно, узнав об этом, телеграфировал в штаб в Мабалакате с просьбой о разрешении немедленно вернуться к месту службы. Мы ответили, что он должен вернуться согласно приказу вместе с новыми самолетами. Однако завод, как обычно, отставал от графика производства самолетов, и Канно вернулся на Филиппины не ранее конца октября, когда подразделение камикадзе уже сформировали.

Когда мы в Мабалакате узнали, что он возвращается, один из офицеров сказал:

– Бьюсь об заклад, что когда Канно придет, то скажет: «Эта чертова операция началась так, как я предсказывал».

После того как звено новых истребителей село в Мабалакате, Канно удивился, почему его слова были встречены взрывом смеха. Но ведь, едва спустившись из кабины на бетонную дорожку, он произнес:

– Эта чертова операция началась так, как я и предсказывал!

Именно о Канно как командире спецподразделения камикадзе подумал Тамаи в первую очередь, когда впервые официально прозвучало предложение о создании такого подразделения. Я знал, что, будь Канно в это время на месте службы, он настаивал бы на назначении его командиром первого подразделения смертников. Поэтому я не удивился, когда по возвращении с родины японский ас нашел меня и с завистью сказал:

– Капитан Накадзима, мне хотелось бы быть на месте Сэки!

– Не глупи, Канно, – ответил я. – У тебя впереди достаточно шансов. Не важно, кто будет первым, а кто вторым. Ты ведь в прошлом не гонялся за славой, почему ты это делаешь теперь?

– Вы правы, – ответил ас, – но мне хотелось бы стать первым камикадзе.

Он в официальном или неофициальном порядке настойчиво добивался зачисления в подразделение смертников, но его заявления и просьбы постоянно оставались без внима-

ния. Летчики его класса были слишком необходимы для выполнения заданий по сопровождению и перехвату, чтобы использоваться иным образом.¹⁰

Не менее значимым следует считать вклад адмирала Аримы, прибывшего на Филиппины менее чем за неделю до того, как адмирал Ониси сформировал первые подразделения камикадзе.

Арима, командующий 26-й авиабригадой в Маниле, явился образцом достоинства офицера. Пунктуальный, основательный, дотошный и педантичный, он носил безукоризненно сидящий военный мундир даже под яркими лучами тропического солнца. Подтянутый и элегантный, не повышавший голоса, адмирал происходил из семьи почитателей конфуцианской традиции, которые в течение ряда веков служили на юге Кюсю главам феодального рода Кагосима. В короткие часы досуга он читал древние классические книги по военному искусству с потрепанными обложками. В ответ на вопросительные взгляды он смеялся и пояснял:

– Это книга по тактике моего прадеда.

Его деликатность не содержала и намека на способность совершить отчаянный поступок.

Штаб 26-й авиабригады в Маниле размещался в прекрасном здании западного стиля, где у адмирала Аримы имелись удобные апартаменты. Но он предпочитал жить в крохотной хижине рядом с командно-диспетчерским пунктом аэродрома Николс, единственным предметом мебели которой была легкая походная кровать. Когда на аэродроме не было дел, адмирал, как полагали его офицеры, либо отдыхал в своей хижине, либо уходил в столовую. Он часто говорил:

– Здесь чудный воздух. Думаю, это самое полезное для меня место.

21 сентября палубная авиация американских авианосцев впервые подвергла бомбардировке Манилу. Из-за несовершенства наших радаров, систем наблюдения и связи налет застал авиабазу Николс почти врасплох. Адмирал Арима находился на летном поле, отдавая команды по подъему в воздух истребителей в условиях непрерывной бомбежки. Он отказывался покинуть незащищенный командно-диспетчерский пункт, пока ближе к окончанию налета один молодой офицер не стал настаивать на том, что будет стоять рядом в качестве живого щита. Потом Арима мрачно объяснил:

– Мне пришлось уйти в бомбоубежище, потому что младший лейтенант Канамару, кажется, приготовился умереть за меня.

Сентябрьские налеты противника были лишь прелюдией к более разрушительным рейдам. К середине октября Верховное командование объявило: судьба родины зависит от исхода предстоящей великой битвы, каждый должен сделать все возможное.

Что это значило? Пилот делает все возможное, когда вступает в воздушный бой с противником. Но как может сделать все возможное адмирал? Тактические операции осуществляются командирами эскадрилий, которые таким образом делают все возможное. Но как может сделать все возможное командующий авиабригадой?

Адмирал Арима имел свой сокровенный ответ на этот вопрос. 15 октября тактическое соединение американского флота было замечено к востоку от Лусона. Приняли решение поднять против него все наличные самолеты – армейские и морской авиации. Когда самолеты 26-й авиабригады приготовились стартовать для выполнения задания с аэродрома Николс, адмирал Арима неожиданно объявил, что поведет бригаду сам. В то время как помощники и офицеры штаба отговаривали адмирала, Арима снял с мундира все знаки различия и сел

¹⁰ Впоследствии лейтенанта Канно перевели в 343-ю авиагруппу, дислоцирующуюся в Японии, для службы в ПВО. В июне 1945 года, во время боев за Окинаву, его сбили близ Якусимы, южнее Кюсю. О его героизме помнил весь флот, память о нем укрепляла боевой дух летчиков-камикадзе.

в самолет-лидер второго эшелона, состоявшего из 13 бомбардировщиков типа 1, 16 Зеро и 70 армейских истребителей. В 15.54 Арима обнаружил на расстоянии 240 миль, по азимуту 65 градусов от Манилы, корабли противника. Он приказал самолетам атаковать противника. На своем собственном самолете он врезался во вражеский авианосец.¹¹

Война быстро приближалась к неизбежной катастрофе. К командирам подразделений теперь предъявлялись максимальные требования. Возможно, об этом и думал адмирал Арима, решившись на боевую операцию, из которой не было возврата.

Таким образом, японский боевой дух, дух камикадзе, называйте его как хотите, проявлялся осенью 1944 года вполне очевидно. Он достиг апогея в атаках камикадзе – в чрезвычайных условиях, сделавших эти атаки неизбежными.

¹¹ Авианосец США «Франклин» (CV-13) получил повреждение в этот день от бомбометания японского бомбардировщика, летевшего в горизонтальном положении. Один из самолетов, совершавших атаку, был сбит огнем зенитной артиллерии, и, когда он рухнул в воду в 100 футах от подъемника на краю палубы «Франклина», секция крыла этого самолета попала на летную палубу авианосца. Намерения пилота остались неизвестными. (Информация капитана в отставке Дуайта М. Бредфорда Уильямса, резерв флота США, из письма от 27 декабря 1957 г.)

Тадаси Накадзима

Глава 6 СЕБУ

(октябрь 1944 г.)

Прибытие подразделения «Ямато»

Утром 20 октября я вернулся в Мабалакат из Манилы, и капитан Тамаи кратко ознакомил меня с организацией нового специального ударного корпуса.

– Накадзима, – сообщил он, – подразделение «Ямато», входящее в корпус, сегодня в полдень направляется в Себу. Вы будете сопровождать это подразделение на своем самолете вместе с тремя другими, а в Себу вам следует подготовить еще одну специальную ударную группу.

В полдень я находился уже в 400 милях к югу, ведя звено из восьми истребителей Зеро. Мы летели над горами, которые окаймляют восточный берег острова Себу, и собирались приземлиться на базе морской авиации, расположенной непосредственно к северу от города Себу. Как инструктору летной подготовки 201-й авиагруппы в Мабалакате мне поручили привести эти самолеты в Себу. Операция была настолько засекречена, что пилоты трех других самолетов ничего не знали о том, что сопровождают подразделение «Ямато» вновь сформированного специального ударного корпуса.

Как только севшие на аэродром при свете заходящего тропического солнца самолеты остановились на бетонной полосе, к ним подбежали механики для осмотра. Отстегивая свой парашют, я приказал немедленно собрать весь персонал базы и затем радировал в Мабалакат о нашем благополучном прибытии.

Посадка восьми Зеро настроила личный состав базы на ожидание чего-то необычного. Офицеры и обслуживающий персонал собрались на командно-диспетчерском пункте аэродрома. Для обращения к ним я взобрался на импровизированную трибуну из деревянных ящиков. Аудитория знала о высадке противника в Лейте, отделенного от Себу лишь нешироким морем Камотес, и догадывалась, что я буду говорить об этом. Люди понимали, что наше внезапное прибытие означало что-то важное, их глаза горели ожиданием. Их нетерпение разжигалось моей напряженностью и стремлением казаться спокойным.

– Военная обстановка чрезвычайно опасная, – начал я. – Если противнику удастся создать базы ВВС на Лейте, оперативная зона, доступная его бомбардировщикам «В-24», распространится через Восточно-Китайское море на континент. Таким образом он поставит под угрозу снабжение Японии топливом из Южного Китая. Без топлива не сможет действовать наш флот.

Операция «Сё» приведена в действие. Все наши военные корабли движутся в залив Лейте с целью разгромить десантные силы противника. В зоне Филиппин противник весьма силен, и нашему флоту придется сражаться в условиях подавляющего превосходства сил противника. Если палубная авиация американских авианосцев нанесет удары по нашим кораблям на пути к Лейте, гигантские орудия наших мощных линкоров «Ямато» и «Мусаси» смолкнут еще до того, как они доберутся до места сражения.

Операция «Сё» имеет какие-либо шансы на успех лишь в том случае, если пилоты японского флота смогут обезвредить американское тактическое соединение. Но военно-воздушные силы Японии на Филиппинах слишком обескровлены, чтобы дать отпор противнику традиционными методами. Время требует применения тактики аварийного пикирования. Прошлым вечером адмирал Ониси одобрил в Мабалакате использование такой тактики,

санкционировав формирование специального ударного корпуса «Симпу» («Камикадзе»). В Мабалакате созданы четыре подразделения этого корпуса – «Сикисима», «Ямато», «Асахи» и «Ямадзакура». Четыре самолета, прилетевшие только что со мной, входят в подразделение «Ямато».

Я прибыл в Себу, чтобы сформировать еще одно специальное подразделение. Любой унтер-офицер или летчик, желающий вступить в подразделение добровольцем, сообщит об этом, указав на листочке бумаги свое имя и звание. Те, кто не хочет этого, оставят листок незаполненным. Каждый листок бумаги следует поместить в конверт, который мне должны передать сегодня к 21.00.

Никто не хочет, чтобы добровольцами стали все поголовно. Мы знаем, что вы все готовы пожертвовать жизнями ради защиты страны. Мы знаем также, что некоторые из вас в силу семейного положения не станут отдавать свои жизни подобным образом. Следует понимать к тому же, что численность добровольцев ограничивается небольшим количеством самолетов, имеющимся в наличии. Только я должен знать, готов ли кто-либо стать добровольцем или нет. Прошу каждого в течение ближайших трех часов принять решение, исходя из ситуации. Специальные операции против противника начнутся завтра. Поскольку подготовка к таким операциям требует чрезвычайной секретности, важно в дальнейшем не обсуждать их между собой.

Присутствовавшие слушали меня в абсолютной тишине, никто из них даже не шевельнулся. Когда я закончил выступление, кокосовые пальмы на соседнем острове Мактан темнели своими кронами в наступивших сумерках.

Кандидаты на добровольную смерть

Оперативный штаб в Себу размещался в доме западного стиля у подножия невысокого холма. Двухэтажное здание с просторным двором принадлежало до войны американскому кинодельцу. Кабинет для оперативных совещаний, находившийся на втором этаже, служил мне спальней. Обстановка кабинета состояла лишь из большого стола в центре и простой железной кровати в углу.

Сидя в одиночестве в этом кабинете, я вдруг услышал, что кто-то поднимается по лестнице. Раздался стук в дверь, и в кабинет вошел младший лейтенант Ёсиясу Куно, который в полдень летел со мной в группе сопровождения из Мабалаката. Его переполняли эмоции, глаза блестели, он едва сдерживал себя.

– Что я могу для тебя сделать? – спросил я.

– Я надеюсь, что вы не забудете меня, формируя специальный ударный корпус, – произнес он, стараясь придать возможно беспечный тон своему голосу. Но деланой беспечности не соответствовал живой блеск его глаз.

Предыдущей ночью в Мабалакате Куно спал крепким сном, когда формировалось первое подразделение камикадзе. И не его вина, что он не знал об этом. Из-за секретности об этом мероприятии уведомили только штабных офицеров. Они делились по отдельности секретной информацией только с людьми, которых считали кандидатами в добровольцы.

Я знал Куно как скромного, сдержанного человека, но полного скрытой энергии. Если бы в то время я не отсутствовал в Мабалакате из-за аварии самолета близ Манилы, то первым, кого бы я наметил в спецподразделение, был бы Куно. Хотя это подразделение формировалось в тайне, утром следующего дня в Мабалакате явно нарастало напряжение. Куно почувствовал наэлектризованную атмосферу и заметил:

– Происходит что-то необычное, капитан. Что бы это могло значить?

К этому времени отбор пилотов-смертников был уже завершен, и я не мог сообщить ему что-либо определенное. Но здесь, в Себу, где завеса секретности спала, я не сомневался, что Куно станет одним из первых добровольцев.

Я посмотрел ему прямо в глаза и медленно произнес:

– Один из восьми Зеро, на которых мы прилетели сюда из Мабалаката, зарезервирован для тебя. (Имея в виду Куно, я добился, чтобы мой самолет приспособили для погрузки на борт 250-килограммовой бомбы.)

Пилот широко улыбнулся, отдал честь и вышел.

Через некоторое время пришел дневальный сообщить, что в офицерской столовой, расположенной в зале на первом этаже здания, готов ужин. Это было время особенно тесного общения между сотрудниками базы. После еды офицеры занимались чтением книг, игрой в шахматы и шашки или сидели вокруг стола за беседой. В углу зала стояло старое фортепьяно. Лейтенант Куно, превосходный пианист, часто играл на фортепьяно сложные музыкальные произведения, которые мне не были знакомы.

Именно в этот вечер его игра была особенно впечатляющей. Музыка звучала вдохновенно и вместе с тем отличалась странной меланхоличностью. Один из офицеров, продолжавший за столом ужин, внезапно прекратил еду и громко зарыдал.

Я благоразумно удалился в свою комнату.

Вскоре я погрузился в размышления о том, как будут осуществляться на следующий день атаки смертников. В ночной тишине ничто не нарушало моих раздумий в одиночестве. Покой нарушал лишь отдаленный рев моторов, проходивших проверку. Команды механиков работали теперь день и ночь.

Неожиданный и более беспокойный звук возвестил о приходе младшего лейтенанта Тисато Кунихары из подразделения разведки, который бесцеремонно ввалился в комнату. Он говорил почти враждебным тоном, с трудом сдерживая свой гнев:

– Вы взяли добровольцев в спецподразделение из числа унтер-офицеров, но совершенно не учли летный состав. Как насчет нас?

Я улыбнулся и сказал:

– Ну, чего же хотите вы, офицеры?

– Мы все хотим служить в этом корпусе! – воскликнул он.

– Тогда для чего же мне беспокоиться о добровольцах из вашей среды?

Гнев Кунихары медленно перешел в улыбку понимания. Он отдал честь, произнес:

– Благодарю вас, капитан, – и ушел.

После ухода Кунихары я подошел к карте, разостланной на столе. Время приближалось к 21.00, когда персонал базы должен был передать заявления. Я услышал, как кто-то тихо приближается к двери, стараясь не разбудить офицеров, спящих в соседней комнате. Вошел унтер-офицер с кипой конвертов. Он отдал честь, поставил передо мной стопку роковых заявлений и удалился так же осторожно, как и пришел.

Некоторое время я глядел на конверты, не решаясь их вскрыть. Я не обращался с призывом идти добровольцами к унтер-офицерам, но предоставил им решать вопрос самим. Я даже предложил алиби тем, кто не мог стать добровольцем. Что, если все отказались?

Эта мысль пугала, но времени медлить больше не было. Я вытащил из ящика стола ножницы и занялся неприятным делом.

Из двадцати с лишним конвертов только два содержали незаполненные листы бумаги. Позднее я узнал, что незаполненные листы передали два прикованных к постели пилота, лежавшие в судовом лазарете.

Я сложил заявления в стопку и вышел на балкон. Во тьме смешались горы и море, овеваемые нежным ночным ветерком. Небо усеивали мириады мерцающих звезд.

Формирование специального ударного корпуса распространилось на Себу.

Вернувшись с балкона в комнату, я заметил, что во всем здании установилась полная тишина. Видимо, все спали. Пытаясь представить, что снилось людям, служившим на базе, я обратился мыслями в прошлое – к славным дням кампании в Новой Гвинее в 1942 году, когда мы побеждали почти в каждом воздушном бою. Как все изменилось!

Мое мысленное путешествие в прошлое прервал звук открываемой двери. В дверном проходе показался младший лейтенант Масахиса Уэмура. В университете Святого Павла в Токио он был капитаном футбольной команды. Попад на службу сразу после колледжа, Уэмура успел пройти поспешную военную подготовку. Теперь же этот стройный энергичный молодой человек робко переминался передо мной и выглядел явно скованным. Его приход в мою комнату в неурочный час заставил предположить, что он вынашивал те же намерения, что и Кунихара. Я пригласил младшего лейтенанта войти.

Неловко задержавшись в дверях на несколько мгновений, он вошел внутрь комнаты и задал несколько ни к чему не обязывающих вопросов, не относящихся к операциям камикадзе. Выслушав мои ответы, он робко попятился к дверям и вышел.

Поведение младшего лейтенанта меня озадачило, но, обремененный множеством забот, я вскоре забыл о нем.

Однако следующим вечером он пришел снова. Пришел один, крадучись, будто в чем-то виноват. После нескольких праздных вопросов Уэмура снова ушел.

Я чувствовал, что ему хочется вступить в корпус камикадзе. Но он воздерживался от просьбы о добровольном вступлении. Почему он так странно ведет себя? Я не мог ответить на этот вопрос.

В третий раз Уэмура пришел очень поздно. Я взглянул ему прямо в глаза, но он смущенно потупил взор, явно не зная, что сказать. Я решил помочь ему:

– Ты приходишь сюда третий вечер подряд... Могу я предположить, что ты хочешь добровольно вступить в корпус камикадзе?

Он нерешительно поднял голову и ответил низким голосом:

– Вы не ошибаетесь, командир. Я прихожу сюда, чтобы присоединиться к добровольцам, но не решался заявить об этом открыто, потому что не располагаю соответствующей летной подготовкой.

В наплыве чувств я подбирал слова для ответа, но младший лейтенант продолжил:

– Только недавно я потерпел аварию из-за своего неумения летать как следует – и это в то время, когда нам не хватает самолетов. Я знаю, что пока не приобрел летного мастерства, но мысль о добровольном вступлении в корпус камикадзе не дает мне покоя. – Он почти готов был разрыдаться.

Я встал с кресла, похлопал его по плечу и сказал:

– Не расстраивайся, Уэмура. Я дам тебе шанс. Успокойся и иди спать.

В первый раз за три дня я увидел на его лице улыбку. Он низко поклонился и ответил:

– Спасибо, командир. Я буду ждать.

Часть вторая

ОПЕРАЦИИ КАМИКАДЗЕ НА ФИЛИППИНАХ

Если тебе нужно убить военачальника, убей его коня.
Японская пословица

Тадаси Накадзима

Глава 7

ОПЕРАЦИЯ «СЁ» И ПЕРВЫЕ БОЕВЫЕ ВЫЛЕТЫ

(октябрь 1944 г.)

Операция «Сё», ставшая последней надеждой Японии выиграть решающее морское сражение и приведенная в действие американским вторжением на остров Лейте, явилась предприятием, состоявшим из трех задач. С места стоянки в Линге, к югу от Сингапура, должны были прибыть корабли 1-й ударной эскадры Японии. Ожидалось, что главные силы флота под командованием вице-адмирала Такэо Куриты, включая линкоры «Ямато» и «Мусаси», пройдут через пролив Сан-Бернардино в Филиппинском архипелаге и 25 октября нанесут удар по американскому десанту с севера. Одновременно десант должен был подвергнуться нападению с юга из пролива Суригао эскадры крейсеров и эсминцев 5-го флота под командованием вице-адмирала Киёхиды Симы, которой следовало из своей базы в Японии пересечь Южно-Китайское море. К этой эскадре должно было примкнуть соединение из устаревших линкоров, крейсера и нескольких эсминцев, выделенное из состава главных сил адмирала Куриты, под командованием вице-адмирала Сёдзи Нисимуры.

Представлялось немыслимым, чтобы эти разрозненные соединения кораблей – все, что осталось от мощного японского флота, – были способны одолеть более многочисленные силы флота США, состоявшие из авианосцев, линкоров, крейсеров и эсминцев. Главнокомандующий объединенными силами японского флота, адмирал Соэму Тоёда понимал это и позаботился о том, чтобы остатки когда-то победоносных авианосных сил Японии использовались как приманка. Остались один тяжелый авианосец, три легких и два переоборудованных линкора с взлетными палубами.¹² Эти силы, располагавшие лишь 116 самолетами, под командованием вице-адмирала Дзисабуро Одзавы должны были выйти из Внутреннего Японского моря, пытаясь отвлечь на север, подальше от районов высадки десанта на Лейте, быстроходные линкоры и авианосцы противника. Надеялись, что благодаря этому флот Куриты смог бы уничтожить оставшиеся без прикрытия американские транспортные суда и десантные силы – то есть выполнить задачу, которая была вполне под силу «Ямато» и «Мусаси» с их 18,1-дюймовыми орудиями.

¹² Они назывались «Исэ» и «Юга». После битвы за Мидуэй было решено убрать надстройки за орудийными башнями и соорудить на корме взлетные палубы. Переоборудование линкоров было завершено в сентябре 1943 года, каждый корабль после этого был способен нести на борту 22 самолета, однако ни один из самолетов не принимал участия в боях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.